

Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию С.Сейфуллина = С.Сейфуллиннің 130 жылдығына арналған халықаралық ғылыми - практикалық конференциясының материалдары. - 2024. – Ч.IV. - С. 168-172.

УДК 81-11.1(045)

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В РОМАНЕ "ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ" САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА

*Сайлыбаев Е., студент 1 курса
Казахский агротехнический исследовательский университет им. С.Сейфуллина, г. Астана*

Произведения Сакена Сейфуллина являются знаковыми в казахской литературе и казахской культуре. Поэт, писатель, драматург, «глашатай казахской пролетарской литературы», историк, педагог - человек с выдающимися, исключительными способностями, чье творческое наследие бесценно [1].

Личность Сакена Сейфуллина в исторической летописи казахского народа, поэтические и драматические произведения, его новаторство и роль в национальной литературе - все эти грани актуальны для исследования учеными в разных аспектах.

Творчество Сакена Сейфуллина вызывает интерес не только на его исторической родине, так как биография и судьба его неразрывно связаны с оренбургским краем.

Изучение особенностей функционирования метафоры в художественном тексте относится к актуальному направлению лингвометафорологии. Современные исследователи рассматривают метафору и другие образные средства в языке произведений отдельных авторов в качестве инструмента, отражающего авторское видение мира и выражающего «своё отношение к изображенным событиям, героям».

Материалом анализа лингвистов чаще становятся поэтические произведения, проза же остается на периферии внимания [2].

Язык произведений Сакена Сейфуллина мало изучен и нуждается в современном обращении к нему.

«Тернистый путь» многие ученые относят к мемуарно-историческому роману. В задачи настоящего исследования входит анализ языковой специфики романа - функций и особенностей использования писателем художественных тропов (метафоры, метонимии, эпитетов и сравнений).

В своем романе автор рассказывает о драматических событиях жизни, о кровавых этапах установления Советской власти в степях Казахстана, о судьбоносных днях в истории казахского народа, и это обстоятельство полностью нашло отражение в языке произведения.

Метафора Сакена Сейфуллина отличается скупостью красок, но она очень ёмкая и лаконичная. Лента описываемых событий ведет читателя за

собой, лишь изредка, когда выпадет минутка, автор как будто украдкой вскидывает голову, жадно оглядывает окружающую природу, людей, животных и говорят об этом при помощи скупых, но выразительных метафор [3].

Именно метафора, являясь «красноречивым» инструментом, помогает писателю передать его отношение к описываемому, весь спектр чувств, страданий, эмоциональных переживаний и горестных потрясений, выразить оценку событий.

В начале повествования («Аупильдек») метафора легка («светлой тенью блуждает она»; «в переливах мелодии слышатся задорные намеки»), эпитеты светлы и радостны («кони под нами резвые»; «ласковый озерный камыш»), сравнения - в жизнеутверждающих тонах («солнце, как слиток золота»; «будто золотой горох посыпался на серебряное блюдце»), олицетворения, рисующие природу, не содержат тревоги («молчит звездное небо»; «хранит тревожную тишину земля»; «вкрадчиво шепчет камыш»).

В «Шубыре» пока еще тоже всё происходящее пронизано ощущением мирно текущей жизни: двойная метафора подчёркивает красоту летнего сезона и обыденность трудовых будней («начало лета — цветущая пора, напоённая ароматом лугов - раскормленные бугаи вот-вот начнут беситься от жира»; «жара смягчилась»; «плоды тяжелой работы»). Метонимические конструкции имеют номинативный характер («словно в оцепенении, утих многоголосый аул»; «блестел атлас, светлело серебро»; «зал поднялся» и др.). Эпитеты, описывающие персонажей («беззаботные, сладострастные баи»), сравнения («поле, словно устлано большими коврами с причудливым узором»; «резвятся, словно упитанные бычки»; «чабаны, черные, как смоль, от палящего солнца»), олицетворения («пробегают небольшая речушка»; «шелковистый ветерок приятно ласкал лица») - все выразительные средства, использованные автором, пока еще направлены на то, чтобы передать краски жизни казахских степей. Пусть здесь, как и везде, правят роскошь и богатство, а бедный люд терпит унижения, но еще не пришла в эти края беспощадная война [5].

По мере того, как накаляется обстановка и нарушается обычный уклад жизни, изменяются стиль и языковые средства романа. И особенно остро подчёркивается лаконичность метафорических конструкций, сравнений и эпитетов, которые появляются в канве повествования лишь в связи с описанием природы, острых эпизодов или какого-либо яркого персонажа.

Обратимся к главам, рассказывающим о происходящих революционных событиях.

«Первые годы революции». Метафоры отражают накаленную атмосферу происходящего («сердца людей обливались кровью»; «до глубины души угнетала нас их теперешняя безнаказанность»; «царит холодное спокойствие»; «меня задела за живое настойчивая наглость Галаутдина»). Обратим внимание на то, что в романе С. Сейфуллина широко представлены и развёрнутые метафоры («под ударами русской революции трещит старое здание - кабалы и рабства»; «подобно глазам шайтанов, поблескивают темные окна спящих домов»; «газета как будто надела шубу наизнанку»), и «стёр-

тые» («в «Молодом казахе» работа тогда кипела»). Автор использует метафорические конструкции различной стилистической окрашенности: разговорной («пуп земли»; «наши жалобы шли на ветер»; «эх, паровоз, паровоз, железная твоя душа!» и др.), в меньшей мере - книжной («хищников европейского империализма»; «когда всякая искра возмущения превращается в мощное пламя революции»; «рабочие и солдаты Запада уже собираются под знамя социализма, штурмуя твердыни империализма»; «на наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира» и др.).

Метонимический перенос значения лексических номинаций активно задействован автором («город спал в глубоком сне»; «и только горстка членов казахского комитета шагала по ночным улицам»; «зато с этого бога не сводит глаз президиум»; «духовные чины не оказывали поддержки казахскому народу») [6].

При описании явлений особая выразительность создается яркими сравнениями («на небе легкие перистые облака, кое-где, как будто с легкой улыбкой»; «присутствующие жадно внимают его драгоценной речи, ловят каждое слово на лету, как ловит брошенную кость голодный пес»; «хазрет вдруг поднял голову, словно беркут, избавленный от кожаного колпачка»).

В главе, рассказывающей о заточении в Акмолинской тюрьме, выделяется фрагмент песни о девушке - «Призыв киргизки (казашки) к своему избранному», в которой каждая строка метафорична («девушка казалась всемогущим лекарством»; «айран желаний»; «степной баран души»; «нагайкой сердце стеганул» и т.д.) [7].

Рассматривая метафоры романа «Тернистый путь» с точки зрения формально-грамматической классификации - по грамматической принадлежности метафоризируемого члена словосочетания, можно сделать вывод о преобладании глагольных («Байсеит загорелся надеждой»; «истинное лицо человека, подлинная его природа проявляются в трудные минуты»; «отвердевшее сердце вмиг размякло»; «исчезли тени страдания, спрятавшиеся под глазами каждого арестанта, в глазах загорелись лучи надежды» и др.) и генитивных метафор («цепкие лапы врага»; «сын привольных казахских степей»; «плоды тяжелой работы»; «под ливнем огня»; «красный диск солнца» и др.), служащих усилению смысловой нагрузки сообщаемого.

Метафорические конструкции в тексте романа выполняют оценочную («ярость тугим узлом стягивалась в нашей груди»; «в сердце оживают давно похороненные мысли и желания»; «беда окружила со всех сторон» и др.) и номинативную функции («ночь поглотила нашего товарища»; «темная ночь приняла в мрачную бездну всю тюрьму»; «в вагонах воцарилось гробовое молчание» и др.).

Метафора в художественном тексте традиционно тесно связана с метонимическими и сравнительными конструкциями и создает ёмкое образное полотно повествования. В тексте романа «Тернистый путь» употребление метонимии и сравнения особенное. Суровое время установления Советской власти, война враждующих сторон, голод, тяготы плена, нечеловеческие страдания - всё это автор романа испытал на себе, и рассказ об этом полон

драматизма. Вместе с тем автор прерывает горький рассказ и обращает наше внимание на незнакомую девушку, которая каждый день робко проходила мимо тюрьмы, на гусыню, ведущую за собой только что вылупившихся птенцов, и всю гамму чувств могут передать лишь яркие тропы, подчёркивающие полноту изображаемых явлений и достоверность событий. Сравнительные конструкции, использованные автором, имеют развёрнутый характер и оживляют описание («быстрая мысль вырывается на свободу и несется куда-то вдаль, как сокол, вырвавшийся из неволи, оставляя темницу позади»; «летний ветерок, как шелк, нежно овеивает лицо»; «листья деревьев все еще зелены, но на тополях они уже стали светло-желтыми, словно сидящая голова старика»; «мы пили воздух, как хмельной кумыс») [8].

Довольно часто сравнения включены в развёрнутый метафорический оборот, как в предыдущей иллюстрации («горы Сары-Арки похожи на лица много повидавших стариков, на хмурые лица, изрезанные глубокими морщинами»; «а луна - словно золотое блюдо подвешено к своду голубого шатра»; «вся вселенная до высокого неба как будто в колыбели приятного опьянения» и др.).

Сравнительные конструкции, использованные автором, мы классифицировали по признакам, сопоставляющим и приравнивающим друг с другом различные явления, следующим образом. Самой многочисленной группой являются сравнения, приравнивающие объект к предметам быта («изредка пройдут белые перистые облака, будто из чеканного серебра. А луна - словно золотое блюдо подвешено к своду голубого шатра»; «солнце, как слиток золота; будто золотой горох посыпался на серебряное блюдо»; «летний ветерок, как шелк, нежно овеивает лица»; «по мере надобности взмахом руки, как секирой, оратор рассекал воздух»; «мы пили воздух, как хмельной кумыс» и др.). На втором месте - сравнения, сопоставляющие объект с людьми («горы Сары-Арки похожи на лица много повидавших стариков, на хмурые лица, изрезанные глубокими морщинами»; «своей печальной песней Зулкия как будто утешала себя, как ребенка...»; «листья деревьев все еще зелены, но на тополях они уже стали светло-желтыми, словно сидящая голова старика» и др.). Частотны сравнительные конструкции, приравнивающие объект с животными и птицами («как вороны, шумно галдят собравшиеся казахи»; «другие ищут случая поухаживать за девушкой, резвятся, словно упитанные бычки»; «присутствующие жадно внимают его драгоценной речи, ловят каждое слово на лету, как ловит брошенную кость голодный пес» и др.).

Специфика романа обусловила немногочисленность употребления сравнений, сопоставляющих объект с явлениями природы («печаль матерей, как черный туман»; «на степь будто напала черная чума...»; «эти думы, как черную тучи, сдавили меня»).

Метонимический перенос («в тиши дремлет аул»; «когда нас пригнали, весь лагерь вышел встречать»; «город еще спал») обычно дополняется метафорой («истомленные войной народы Европы уже протягивают нам руки, творя мир»). Смысловая ёмкость, наполненность присуща и олицетворению («домбра дрожит, словно размышляет о чем-то»; «золотой диск солн-

ца уже сел на плечи Баяна»; «молчит звездное небо»; «хранит тревожную тишину земля»; «вкрадчиво шепчет камыш» и др.) [9].

Эпитеты в тексте романа встречаются в меньшей мере («когда минешь их - начнутся безлесые, бестравные мертвые степи»; «этот известный блистательный бай»; «разговор начался острый, крутой»), достаточно часто эпитеты, как и сравнения, включены в метафорический оборот: «печальный, плачущий кюй уводит за собой, не выпускает из грустного плена» и др.) [10].

Таким образом, анализ языкового своеобразия произведения Сакена Сейфуллина «Тернистый путь» позволяет говорить об эмоциональной выразительности и образной насыщенности романа. Отметим некоторые общие закономерности функционирования изобразительно-выразительных средств языка (метафоры, метонимии, эпитетов, сравнений) в тексте романа С. Сейфуллина «Тернистый путь». Метафора в тексте романа тесно соседствует с метонимией, развёрнутая метафора включает в себя ряды сравнительных конструкций, олицетворений и эпитетов. В тексте частотны глагольные и генитивные метафоры и олицетворения, передающие оттенки чувств и характер изображаемых явлений.

Самая яркая особенность сейфуллинской метафоры - её лаконичность и отточенность. Специфика употребления писателем образных средств проявляется в контекстуально обусловленном использовании художественных тропов (метафор, метонимии, эпитетов и сравнений). Метафора как прием интеграции образного пространства художественного текста является основой, важной частью языковой композиции текста.

*Научный руководитель Кабаева А.А.
магистр филологии*

Список литературы

- 1 Мусрепов, Г. (1968). *Однажды и на всю жизнь*. Алма-Ата.
- 2 Серебрякова, Г. (1965). *Сакен Сейфуллин. Странствия по минувшим годам*. Москва, «Советский писатель».
- 3 Муқанов, С. (1936). *Глашатай казахской пролетарской литературы. «Казак эдебиети»*.
- 4 Какишев, Т. (1967). *Сакен Сейфуллин. Очерк*. Алма-Ата.
- 5 Рамазанова, ДА, Кислицкая, СС, Хасбулатова, ХМ. (2019). Особенности использования художественно-выразительных средств в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Мир науки, культуры, образования. 1 (74), 401 - 403.
- 6 Арутюнова, НД. (1990). Метафора и дискурс. Теория метафоры: сборник. Москва: Прогресс, 5 - 32.
- 7 Вежбицкая, АВ. (1990). *Теория метафоры*. Москва: Прогресс.
- 8 Телия, ВН. (1988). *Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция*. Метафора в языке и тексте. Москва, «Наука».
- 9 Арутюнова, НД. (1998). *Языковая метафора. Язык и мир человека*. Москва, 346 - 370.
- 10 Апресян, ЮД. (1995). *Избранные труды. Лексическая семантика*. Москва: Школа Языки русской культуры.